

ФИЛОСОФИЯ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОД ФИЛОСОФИИ*

Заголовок этой статьи отдает дань моде: зеркальные названия заворачивают, в них скрыта какая-то загадка. С другой стороны, такой стиль имеет прямое отношение к содержанию статьи: теоретическое разыскание, которым мы займемся в первой части, будет непосредственно связано с разговором о том, как можно было бы организовать перевод философских текстов в свете найденных теоретических положений.

Почему речь о переводе?

Дело вот в чем: перевод как таковой ставит нас лицом к лицу с той областью, которую мы можем не замечать, когда работаем в обычном режиме, в обычном ключе, т. е. когда оформляем свое мышление в языковых формах. А мы практически всегда это делаем, если общаемся с другими, если пишем тексты, которые предназначены для других, или даже если разговариваем сами с собой как с неким собеседником. Тогда мы имеем право не замечать того, что стоит за данной языковой формой, или же просто от этого отвлекаться.

Но что происходит, если нам надо перевести с одного языка на другой? Давайте набросаем простую схемку. У нас есть некоторое выражение, предположим, на испанском языке, и нам надо получить другое языковое выражение – скажем, на русском языке, *переведя* некую испанскую фразу на русский язык. Обозначим языковое выражение на испанском языке через $Я^И$ и будем считать его *исходным языковым выражением*, а фразу на русском языке – через $Я^Р$, и будем считать его *результатирующим языковым выражением*. Тогда перевод обозначим как \Rightarrow : стрелка \Rightarrow переводит $Я^И$ в $Я^Р$.

Схема 1

$$Я^И \Rightarrow Я^Р$$

Мой вопрос касается стрелки \Rightarrow : что здесь? Что стоит за ней; что она выражает? Понятно, что слева у нас одна языковая форма: $Я^И$, – справа другая языковая форма: $Я^Р$. Но что такое стрелка, которая их соединяет?

Вопрос в том, отражает ли эта стрелка «просто» некую *операцию*, которую мы проводим над языковым выражением $Я^И$ для кого, чтобы получить выражение $Я^Р$, или же за ней стоит какая-то *самостоятельная* область? Если мы припишем областям $Я^И$ и $Я^Р$ некую онтологию, то должны ли мы приписать независимую онтологию также и области \Rightarrow ; и какого рода будет такая онтология? Иначе говоря, включает ли эта схема два или три онтологических элемента? Попадаем ли мы в *особую* онтологическую область, стоящую за \Rightarrow , или же перевод осуществляется таким образом, что позво-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 11-03-00033а.

ляет нам остаться в области Я^И, проводя над ним некие манипуляции ради превращения в Я^Р, причем такие манипуляции не требуют выхода в другую онтологическую сферу?

Часть I. Обойти, чтобы объяснить: можно ли понять перевод без признания его собственного онтологического статуса?

Сам факт перевода безусловен – тот факт, что мы можем переводить и что перевод осуществляется. Я думаю, все это знают, особенно профессиональные переводчики. Можно сказать, что перевод – это факт нашей повседневной жизни. Да, он осуществляется. Но *благодаря чему* он осуществляется?

Есть много книг, в названии которых фигурирует выражение «теория перевода» или что-нибудь близкое к этому. Но они не о том, о чем я бы хотел поставить вопрос. А этот вопрос звучит так: *благодаря чему* возможен перевод? Не «как осуществляется перевод», а именно «благодаря чему он *возможен*», т. е. с какой стати он вообще происходит.

А вот этот вопрос, как мне кажется, по-настоящему не исследован. Его как-то оставляют в тени, считая ответ на него то ли невозможным, то ли само собой разумеющимся. Ведь перевод *есть*, это факт; давайте же исследовать этот факт, – так, мне кажется, в основном думают те, кто занимается проблемами перевода, от лингвистов до философов.

Постановка вопроса: что такое стрелка ⊕?

На тему о том, как осуществляется перевод, какие виды перевода бывают и т. п., написано много хороших книг. Сошлюсь только на один пример – великолепная работа Н.С. Автономовой¹ о том, как делать перевод философских текстов, что такое язык философии и о многом другом. Но это ведь тоже книга о том, как делать перевод и какие трудности встречаются на этом пути. А мой вопрос немного другой: *благодаря чему* перевод вообще возможен; и только потом, я думаю, мы можем говорить, насколько он бывает удачен и что можно сделать, чтобы его улучшить.

В чем тут, собственно говоря, проблема? А проблема, мне кажется, абсолютно ясна. Она вытекает из схемы 1 и формулируется как вопрос: *благодаря чему* возможна стрелка ⊕, которая переводит одни языковые конструкции в другие?

Меня, таким образом, интересует не то, как правильно построить фразу на испанском, английском, арабском или русском языке, когда мы переводим с какого-то другого языка, и какие бывают трудности, когда мы строим такую фразу. Меня интересует, почему вообще стрелочка ⊕ может *быть*. Что дает ей право на существование – вот какой вопрос я хочу проблематизировать.

Почему это вопрос, почему это проблема? Потому что, как мне кажется, даже из такого простого рисунка, каким является схема 1, очевидно, что то, что служит посредником между двумя языковыми формами, должно носить *неязыковой характер*. Ведь если бы то, благодаря чему мы переводим с одного языка на другой, в свою очередь носило языковой характер, то тогда и относительно этого можно было бы поставить вопрос: а как мы переводим с исходного языка на некий язык-посредник, а с этого языка-посредника – на результирующий язык? В таком случае вопрос о том, *благодаря чему* воз-

¹ Автономова Н.С. *Познание и перевод. Опыт философии языка*. М., 2008.

можен перевод (а не *как* он осуществляется), не получает никакого ответа: вместо этого мы отправляемся в дурную бесконечность поиска *оснований* перевода на язык-посредник, – первый, затем второй, и так без конца.

Прячась от этой бесконечности в раковине вопроса «*как осуществляется перевод*», мы имеем право оставаться в пределах схемы I и не подвергать ее оправданность вопрошанию; но мы не можем себе этого позволить, если спрашиваем о том, *благодаря чему возможен перевод*.

Ответы, которые мы знаем

Если этот вопрос и не стал до сих пор предметом *специального* вопрошания, это не значит, что такой вопрос вообще никогда не задавали. Конечно, задавали – и давали на него ответы. Это делалось в ходе других исследований, для которых наш вопрос, возможно, и не был основным, но все же вставал в ряду прочих.

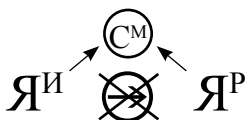
Такие ответы распадаются на две большие группы.

В обход, через объективный мир

Первая представлена материалистическим, или редукционистским типом ответов. В таких объяснениях или в такого рода теориях то, что стоит между двумя языками, сводится к чему-то, что имеет отношение к внешнему миру, к некоторой ситуации в нем. Нам говорят: по сути здесь нет никакой проблемы. Ведь межъязыковое взаимопонимание осуществляется реально, и все мы этому свидетели. Например, человек попадает в иноязыковую среду; некоторые даже испытывали это на собственном опыте. Мы оказываемся среди людей, говорящих на языке, которого мы вообще не знаем, – мы постепенно его выучиваем, и вот, уже говорим на нем. Как это может быть? Дело в том, что есть внешний, объективный и общий для нас всех мир, есть ситуации в этом мире, к которым *равно отсылает* и тот и другой язык. Этот общий мир, точнее, каждая конкретная ситуация в нем и служит «посредником» между языками, их общим знаменателем и мериллом, позволяющим приравнять высказывание на одном языке к высказыванию на другом. Вот почему мы можем понять и выучить незнакомый язык, а потом и переводить с одного языка на другой.

Этот тип объяснений может быть схематично отображен следующим образом.

Схема 2

Здесь стрелка \oplus , по существу, обойдена: $Я^И$ и $Я^Р$ попросту *приравнены*² через общий знаменатель $С^М$.

² Нас здесь не интересуют нюансы вроде фрегевского разведения значения и смысла и, следовательно, того факта, что такое объяснение годится для перевода значений, но в принципе не пригодно для передачи смыслов. Важно, что перевод состоялся, поскольку *ad hoc* мы всегда можем ограничить задачу переводом значений, а не смыслов.

С одной стороны, такое объяснение представляется убедительным, а с другой, оно довольно наивно, поскольку напрямую перескакивает от несомненного и многожды повторенного опыта ситуативного овладения незнакомым языком – к простому объяснению перевода через тождество ситуации-в-мире для носителей двух языков. Вспомним хотя бы предостережение Куайна – его рассуждение о кардинальном переводе. Пусть я стою рядом с туземцем и мы видим некое бегущее животное, причем туземец, показывая на него пальцем (т. е. как будто ясно и однозначно отсылая к ситуации во внешнем мире), произносит: *gavagai*. Я в таком случае не знаю, на что он указывает: на целое ли животное, на его голову, на лапу или вообще на тот факт, что оно бежит.

Даже на таком простом примере видно, что отсылка к внешнему миру не может быть убедительной. Схема 2 представляется работающей только в том случае, если мы уже обладаем и правой, и левой ее частями, если у нас как будто имеются в голове оба языковых выражения, и дело лишь за тем, чтобы их приравнять, – а это совсем не то же самое, что перевод, когда мы должны произвести Y^P , изначально им не обладая.

Правда, даже в этом, упрощенном случае нам придется столкнуться с неприятным вопросом: а почему переход $Y^I \rightarrow C^M$ и $Y^P \rightarrow C^M$ возможен? Как такие совершенно разные субстраты, как внешний мир, данный нам в ощущениях, и языковое выражение, данное в неких формах языка, – как они могут быть приравнены? Что в них *равного*?

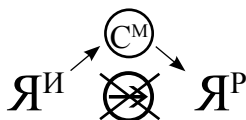
Думаю, что единственный ответ на такой вопрос заключается в том, что они имеют один и тот же смысл. Что это за «смысл» и как можно его «иметь» – вопрос, который я пока отложу, чтобы поговорить о нем позже. Сейчас же стоит отметить, что отсылка к внешнему миру вовсе не отвечает на вопрос о том, *благодаря чему* возможен перевод. Заменив стрелку \Rightarrow двумя стрелочками $Y^I \rightarrow C^M$ и $Y^P \rightarrow C^M$, мы по сути ничего не добились: нам все равно надо объяснить, *благодаря чему* возможен перевод языкового выражения в некую ситуацию внешнего мира, – такую, какой она дана нам в нашем сознании.

Вместе с тем этот вопрос не вовсе бессмыслен; может быть, даже напротив, он имеет очень серьезный смысл. Рассуждая об этом, мы открываем, что, может статься, мы и здесь имеем дело все с тем же *переводом*. Может быть, восприятие «внешнего мира» и его выражение в языке проходит стадию такого *перевода*? Вообще переход из одного «модуса» осмысленности в другой – проходит стадию *перевода*? Мы переводим музыку – в эмоции? Краски картины – в наши ощущения и образы? И т. д. Весь мир, как он представлен в нашем сознании, – перевод; вся гамма нашего сознания живет как перевод, и без перевода наше сознание оказалось бы попросту невозможным? Перевод – как будто стержень, на который нанизаны очень разные слои нашего сознания, очень разные субстраты осмысленности.

Так *перевод* из «технической проблемы» (задумайтесь: всерьез предпринимаются попытки сделать *машинный перевод*) превращается в центральный скреп жизни сознания и его архитектоники. Может быть, вопрос о *переводе* – это вопрос о том, как работает машина сознания в ее целостности? Вопрос о том, как совершенно различное по субстрату содержание нашего сознания может *иметь смысл*, и при этом такое «иметь смысл» и оказывается основанием *приравнивания* одного к другому?

Заметим, что схема 2 отвечает на самом деле на вопрос о том, как приравнять два выражения на разных языках через их равную отсылку к внешнему миру, а вовсе не на вопрос о том, как можно перевести исходное языковое выражение в результирующее через отсылку к ситуации внешнего мира. Чтобы ответить на такой вопрос, нужна следующая иллюстрация.

Схема 2А

Здесь вторая стрелка (между C^M и $Я^P$) развернута в обратном направлении в сравнении со схемой 2.

Но теперь ситуация не только не стала проще в сравнении с исходной (схема 1), она, скорее всего, усложнилась. Теперь нам надо объяснять два шага, каждый из которых является переводом (вместо исходного одного шага), причем второй шаг, от ситуации внешнего мира – к ее выражению на результирующем языке, и вовсе способен поставить нас в тупик. Ведь мы теперь должны ответить на вопрос, как ситуация внешнего мира («немая ситуация») рождает языковое выражение, как внешний мир заставляет нас говорить, чтобы описать его словами. А этот вопрос не только не проще, он гораздо сложнее того, с которого мы начали: ведь стрелка \ominus гораздо ближе к $Я^P$, нежели стрелка в выражении $C^M \rightarrow Я^P$.

Вопрос можно поставить и так: действительно ли \ominus устранена на схемах 2 и 2А, или мы только *сделали вид*, что она устранена? Действительно ли можно *пойти в обход* и миновать необходимость \ominus , избежав столкновения с тем, что стоит за ней?

Для этого надо ответить на вопрос: как на этих схемах возможны две обходные стрелки к C^M ? Если за ними стоит чистая интуиция, если мы утверждаем, что *интуитивно* знаем, как языковое выражение соответствует ситуации внешнего мира, – тогда объяснение не научное, поскольку можно с таким же (если не с большим) успехом апеллировать к интуитивности \ominus на схеме 1, которую мы и пытаемся объяснить. Если же мы попытаемся дать какое-то объяснение этих стрелок $Я^И \rightarrow C^M$ и $C^M \rightarrow Я^P$ на схемах 2 и 2А, то вопрос о том, *благодаря чему* они возможны, ничем не будет отличаться от вопроса о том, *благодаря чему* возможна стрелка \ominus от $Я^И$ к $Я^P$. (Это и по существу верно, т. к. *смысл* является посредником и здесь.)

Отсылка к внешнему миру, если она не опирается на интуицию (когда мы просто видим – и понимаем, без всяких посредников, как это высказать в нашей речи: «немая ситуация» разрешается в говорение сама собой), предполагает непременно использование знаков. Остенсивное определение в кардинальном переводе Куайна не дотягивает до функции знака, поскольку в случае неизвестного языка никогда нельзя быть уверенным, что именно является обозначаемым. Но предположим, что мы нашли некий способ (например, проб и ошибок), который позволит преодолеть куайновское ограничение. Что тогда; сможем ли мы, апеллируя *только* к внешнему миру и оперируя по необходимости знаками, – сможем ли мы научить того, кто не знает наш язык, – нет, даже не языку, а только лишь словам нашего языка?

Едва ли между мной и моей собакой есть какой-то посредник, кроме общего для нас внешнего мира. Повторяющиеся ситуации, в которой она слышит повторяющиеся слова, превращают для нее эти слова в знаки. Моя собака знает много слов. Они для нее приобретают семиотическую функцию, и когда она слышит их в другой ситуации, она воспринимает их в соответствии с тем значением, которое изначально усвоила. Более того, умная собака очень быстро пополняет словарный запас. Однако это касается только тех слов, которые могут напрямую отослать к некоторому объекту внешнего мира или к ситуации в нем.

Чему никогда нельзя научить таким образом, так это значению простого слова «и». Что во внешнем мире может служить *объяснением* этого слова, что может выполнить знаковую функцию для него? Как его можно *обозначить*? В том-то и дело, что ничто и никак. Если, конечно, мы не предполагаем, что уже *знаем*, что такое «и», и дело лишь в том, чтобы назначить для этого нашего знания удобный знак³; так случается, например, когда мы учимся писать на родном языке, уже владея им как устным. Но я спрашиваю не об этом; я спрашиваю о том, как нам *дать понять, что значит «и»*, тому, кто *не знает* этого. Как *объяснить* это? Человеку, не знающему русского языка, можно объяснить, «что такое “стол”», указав на какой-нибудь стол, посадив его за стол, а еще лучше – отведя в магазин, где продаются столы, или на фабрику, где их делают. Но как этому же человеку объяснить, что такое «и»? Где фабрика, изготавливающая это значение? Где тот салон-магазин, в котором разные «и» выставлены на обозрение? Вот я и спрашиваю, может ли отсылка к внешнему миру *заменить* область, стоящую за стрелкой ⊕ на схеме 1. Да, может, причем для очень сложных слов, – но не для такого простого, как «и»: оказывается, тут *обойти* стрелку ⊕ никак не удастся. Это маленькое упрямое слово настойчиво отсылает нас к тому, что *стоит за* ⊕, требуя всерьез, *взавраду* обратиться к этой области, а не пытаться найти обходной путь.

Это же касается ряда других слов: «или», «когда», «потом», «почему», отрицания «не-» (например, *некрасивый*⁴) и других. Есть целый класс слов, без которых наша речь не может обойтись, но которые не имеют *никакого* соответствия во внешнем мире, взятом как набор объектов или как набор всех возможных ситуаций. Это интересно: язык, который, как считают, выполняет знаковую функцию, содержит целый класс слов, которые не отсылают ни к чему во внешнем мире. Они *не носят знаковый характер*.

Без таких слов не обходится не язык, а речь: в отличие от языка, речь характеризуется *связностью*. То, что обеспечивает связность, – а это, помимо упомянутого, связки, падежные окончания и многое другое, что относится к синтаксису, – не имеет непосредственного соответствия в мире; все это нельзя объяснить, просто отослав к некоему «общему знаменателю» языков – объективному миру или ситуации в нем. Значит, и здесь оказывается, что нам приходится апеллировать к чему-то еще, к чему-то помимо внешнего мира, – к чему-то, без чего невозможна ни связность, ни речь, ни языковые выражения, ни перевод.

Маневр в обход стрелки ⊕ в данном случае не удался – вот что мы можем констатировать. Это же и в силу тех же причин относится к любым разновидностям редукционистских подходов, включая известный деятельностный подход.

³ Именно такова диспозиция А.Вежбицкой и ее коллег, развивающих идеи «минимальной семантики»: они предполагают, что у всех народов есть некий минимальный набор «атомарных», редуцируемых значений, в которые включаются, в том числе, и слова, подобные «и». Эти теории не объясняют нам, *откуда берутся* такие слова и такие смыслы в головах носителей соответствующих языков, как эти смыслы *делаются*. Вместо этого они требуют от нас верить, что эти «атомарные», «минимальные» значения *одинаковы* у всех, и дело лишь в том, как они обозначаются – каковы языковые знаки, назначенные для них. Если спроецировать эти исходные посылы теорий «минимальной семантики» на обсуждаемую проблему перевода, окажется, что они никак не помогают нам узнать, что стоит за стрелкой ⊕.

⁴ Мне кажется, это очень показательный пример. Я могу научить собаку слову «нельзя», но никакими ухищрениями мне не удастся объяснить ей значение отрицания «не-», когда это слово соединяется с любым ей известным. Она не сможет понять, что значит «не гулять», – если только не воспримет это сочетание как единое слово. И дело, я думаю, не просто в том, что «не гулять» требует не только реакции на единичное слово, а соединения смысла двух слов; дело в том, что «не-» в таком значении не может выполнять знаковую функцию.

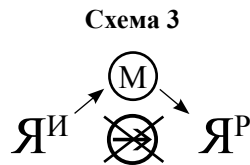
В обход, через идеальное

Второй тип ответов можно обозначить как «идеалистические». Это такие подходы, которые не сводят стрелочку \oplus к чему-то материальному или имеющему отношение к объективному миру, к деятельности. Они идут от самой мысли; в самом общем виде нам говорят, что перевод между двумя языками возможен благодаря мысли, благодаря тому, что за языковыми формами стоит мысль.

В самом деле, люди отличаются тем, что обладают способностью мышления. Язык служит орудием мысли, язык выражает мысль. Конечно, есть и обратное влияние языка на мысль, но всё-таки первична здесь мысль, и язык – лишь средство ее выражения. Если у нас есть одна и та же мысль и мы её мыслим, то мы сможем её высказать и по-русски, и по-арабски, и по-английски, или на любом другом языке, если тот язык позволяет это сделать. Или же мы выразимся близко к тому, что составляет нашу мысль. Но даже если язык не позволяет полностью выразить мысль, мы всегда будем осознавать зазор между мыслью и языком, и с этой точки зрения мысль все равно оказывается первичной: она стоит за языковыми формами и составляет для них «общий знаменатель».

Одна и та же мысль – вот что есть равного в разных языковых формах. Тогда, если мы уловили мысль M , выраженную в исходном языковом выражении $Я^И$, нам не составит труда, – при условии, что мы владеем результирующим языком, – составить выражение на этом языке $Я^Р$, которое и будет переводом для исходного выражения $Я^И$.

Эта стратегия объяснения перевода отображена на схеме 3.

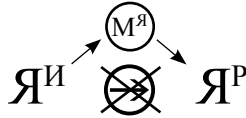
Объяснение как будто убедительное. Но загвоздка в том, что и тут может быть задан все тот же каверзный вопрос: *как и в чем* выражена мысль? Имеет ли мысль, которая выступает здесь в качестве посредника, языковую или внеязыковую природу?

Мысль в естественно-языковых формах

Задав этот вопрос, мы попадаем в гущу полемики, когда-то столь активной, вокруг вопроса о том, может ли мысль обойтись без языка. Я хотел бы избежать соскальзывания в русло такой постановки вопроса; единственное, что я хочу сказать, – это то, что, если мы считаем, что мысль действительно выполняет роль посредника в переводе, она *должна* иметь внеязыковую природу и *не может* носить языковой характер.

В самом деле, если мысль имеет языковой характер, если, не получив оформления в языке, она и не мысль, а только какой-то подход и подготовка к ней, тогда мы попадаем в ситуацию, которую отражает схема 3А.

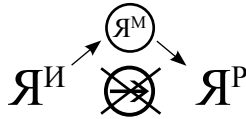
Схема 3А

Мы здесь пытаемся обойти загадочную стрелку \oplus , подставив вместо нее как будто более ясное преобразование $Я^И \rightarrow М^Я \rightarrow Я^P$: исходное языковое выражение мы преобразовываем в мысль, которая *также носит языковой характер*, и далее эту мысль выражаем на результирующем языке⁵.

Но тогда перевод исходного языкового выражения $Я^И$ в языковое выражение мысли $М^Я$ ничем не отличается от нашей изначальной задачи объяснить перевод этого же исходного языкового выражения $Я^И$ в результирующее языковое выражение $Я^P$. Собственно, если мысль имеет некое естественно-языковое выражение, то вместо $М^Я$ (мысль, схваченная в языковом выражении) мы имеем полное право написать $Я^M$ (языковое выражение мысли).

Схема 3Б

Теперь стало совершенно понятно, что представление о мысли как о непременно выраженной в каких-то формах естественного языка не дает возможности считать мысль общим знаменателем двух языковых выражений при переводе с языка на язык. Ведь перевод исходного языкового выражения на язык мысли ($Я^И \rightarrow Я^M$) ничем не отличается от задачи межъязыкового перевода $Я^И \oplus Я^P$: мы должны обозначить обходной путь вокруг стрелки \oplus через языковое выражение мысли, используя ту же самую стрелку, но только теперь ее придется употребить уже два раза: $Я^И \oplus Я^M \oplus Я^P$. То, что претендовало на роль объяснения, само, оказывается, нуждается в точно таком же объяснении.

Мысль, выраженная в «универсальных формах мышления»

Итак, думать, будто мысль как посредник в межъязыковом переводе может иметь естественно-языковую форму, нельзя. Заметим, что такой вывод *однозначно* следует из анализа стратегии перевода, хотя может оставаться спорным, пока мы рассматриваем только мысль и ее языковое выражение, пребывая в пределах одного-единственного языка. Таким образом, именно *перевод* делает заметным то, что может остаться незамеченным в других случаях: стрелка \oplus обладает магическим свойством давать доступ туда, куда он обычно бывает закрыт.

⁵ Заметим, что схема 2А может служить иллюстрацией перевода как перевода значений (в смысле Фреге), а схемы 3А и 3Б – иллюстрацией перевода смысла, или же смысла вместе со значением, поскольку, если значение еще можно определить, отослав к ситуации во внешнем мире (а можно и выразить словами), то смысл непременно должен быть как-то выражен в словесной форме. Неудача толкования перевода через эти схемы показывает и неудачность такой трактовки перевода, основанной на фрегевском понимании значения/смысла.

Чтобы уйти от очевидных возражений, изложенных выше, говорят, что мышление, конечно, может облекаться в естественно-языковую формы, но гораздо более адекватным выражением для того, что подразумевается под мышлением, служат некие *универсальные формы*. Пусть они и имеют языковой характер, но, во-первых, это не какой-то один из множества естественных языков: это некий *универсальный язык мысли*. А во-вторых, поскольку эти формы универсальны для мышления (которое само, с точки зрения защитников этих теорий, универсально), они не требуют никакого специального объяснения, ибо схватываются *интуитивно*. Скажем, универсален язык математики, универсальны логические понятия и язык логики⁶.

Такой ответ многим кажется убедительным. Однако эта убедительность представляется мне эфемерной. Чтобы удостовериться в этом, достаточно задать вопрос: а возможна ли в принципе *универсальная форма*? Может ли быть найдена такая форма, которая была бы универсальной?

Функция формы – вмещать содержание. Возьмем любую универсальную (как обычно считают) логическую форму, например, «S есть P». «Субъект есть предикат» – это чистая форма высказывания, в неё может быть вложено *любое* содержание: вместо S и P может стоять всё что угодно, а «есть» – как будто бы универсальная форма связки между субъектом и предикатом. Что тут, собственно говоря, можно возразить против того, что это – универсальная форма? Вместо «есть» могут фигурировать любые эквиваленты на разных языках: они потому и эквиваленты, что *за* ними стоит это универсальное «есть», которое может быть выражено также и значком, т. е. неким, хоть и языковым, но уже *универсальным* логическим знаком, не зависящим ни от каких конкретных естественных языков, как от них не зависят «S» и «P».

Попробуем не поддаваться гипнозу внешней убедительности, подкрепленной известным авторитетом этого рассуждения, а вместо этого вникнем в его суть и в существо использованных в нем понятий. Зададим простой вопрос: составляет ли связка «есть» *чистую форму* – или она представляет собой также и некоторое содержание? Нам говорят: это – чистая форма, потому что вместо нее могут стоять любые ее языковые выражения. Очень хорошо; но ведь не вообще любые, а только те, которые *могут* стоять. Пусть связка «есть» выражена каким-нибудь значком, например, значком =. Теперь, если я хочу прочесть «S = P» по-русски, я заменю «=» на *есть, равно* или что-нибудь еще; читая ту же формулу по-английски, я заменю этот значок на *is, equals* или еще что-нибудь. Но на месте этих «еще что-нибудь» не может оказаться вообще «что угодно»: мы должны быть способны объяснить, *что именно* надо подставлять в естественных языках на место этой универсальной формы «=».

Иначе говоря, мы должны объяснить, каков *смысл* связки «есть»: она же не бессмысленна, мы же должны как-то узнавать, какое содержание она способна вместить, а какое нет. А такое объяснение и будет *ее собственным содержанием*.

«Чистая форма», таким образом, – это *contradictio in adjecto*, если только она не является вместе с тем и *абсолютной формой*. Да, абсолютная форма, форма форм была бы одновременно и чистой формой, – если бы она была

⁶ Речь не о современной логике, представители которой с таким утверждением вряд ли согласятся. Но если взять логику в ее традиционном понимании, когда она трактовалась как выражение законов мышления, то такой подход вполне применим. «Логика Пор-Рояля» – едва ли не самый известный пример: предполагается, что должны быть открыты универсальные формы мышления, носящие логический характер; они и могут служить посредником между любыми языками, *точно* (в отличие от естественного языка, которому всегда в этом что-то мешает) выражая мысль.

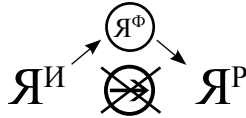
возможна, по меньшей мере с точки зрения нашего, человеческого сознания. Ведь абсолютная форма, чтобы быть абсолютной и вмещать *любое* и *всё* содержание, должна была бы сама не иметь вовсе никакого содержания, т. е. – с этой точки зрения – должна была бы быть *ничем*.

Итак, «есть» не является *чистой* формой; это – форма, начиненная содержанием. Так форма для выплавляемой стали может вместить любую сталь в мире – но не ту, из которой состоит сама: прежде чем первая в мире плавка начнется, *эта* сталь уже должна быть выплавлена. Так и наше «есть»: мы должны уже знать, *что есть это «есть»*, т. е. должны иметь в уме высказывание формы «S есть P», где вместо «S» стоит «есть», прежде чем начнем оперировать этой «универсальной» формой.

Это же можно выразить и иначе: если «S есть P» действительно универсальная форма, значит, она должна включать и саму себя в качестве вмещаемого ею содержания. Чтобы узнать, *что же она значит*, мы должны построить другое высказывание *той же самой формы*, в котором вместо «S» будет стоять вся эта формула «S есть P». Но и относительно этого объяснения будет задан тот же вопрос: объяснение, что означает *универсальная форма высказывания* «S есть P» (каков *смысл* этой универсальной формы⁷), в силу ее универсальности предполагает именно ее использование как объясняющего инструмента, и т. д. до бесконечности⁸.

В общем виде применение идеи «универсальных форм мышления» к нашей проблеме перевода отражено на схеме 4.

Схема 4

Здесь Я^Ф обозначает любой формальный или формализованный язык, претендующий на то, чтобы быть выразителем универсальных форм мышления.

Как видим, обходной маневр вокруг стрелки перевода \ominus с помощью двойной отсылки Я^И → Я^Ф → Я^Р не представляет собой ничего принципиально нового в сравнении с уже рассмотренными схемами. Если мы переводим естественно-языковое высказывание в формально-языковую форму (например, высказывание «всякий субъект несет предикаты» – в форму «S есть P»), то мы должны, во-первых, прежде объяснить, *что такое* «S есть P» (с неизбежным уходом в дурную бесконечность), а во-вторых, разъяснить *правила перевода* естественно-языковой формы в формально-языковую. Но в таком случае стрелочка → превращается именно в стрелку перевода \ominus : мы опять не смогли ее обойти, так ничего и не достигнув своим маневром.

Единственный способ избежать данного возражения – сказать, что смысл формулы «S есть P» не нуждается в объяснении, что он и так ясен, что он постигается интуитивно. Иначе говоря, сказать, что эта универсальная форма (наряду с каким-то количеством других форм) – первичная для нашего созна-

⁷ Мы не можем запретить задавать этот вопрос в силу самого смысла понятия «форма»: ведь если мы не знаем, что означает форма «S есть P», мы не можем решить, какое содержание подпадает под нее, а какое – нет, и тогда форма «S есть P» не сможет выполнить свою функцию формы.

⁸ Формальная логика гордится тем, что имеет дело с «чистыми формами»; но какой *смысл* имеет такое оперирование?

ния, что она не может не быть усмотрена любым пытливым умом с полной ясностью. И если она не открывается любому прохожему на улице, то лишь в силу того, что тот не сосредоточен именно на таком усмотрении: достаточная тренировка приведет к «припоминанию» такой первичной очевидности.

Именно к этому в конечном счете сводятся все объяснения, точнее, все *попытки* объяснения: на самом деле разъяснить, *что значит* универсальная форма «S есть P», т. е. объяснить нам, когда мы можем ее применять, а когда не можем, какое содержание в нее можно вкладывать, а какое нельзя, – любые попытки такого объяснения до сих пор заходили в тупик, и эта и ей подобные «универсальные формы мышления» объявлялись интуитивно ясными, как будто *первичными* данностями нашего сознания, которые в силу этой первичности и не нуждаются в объяснении.

В такой апелляции к очевидности и интуитивной данности нет ничего плохого, – если только подобная апелляция обоснована; иначе говоря, если невозможно показать, что формула «S есть P» не является инвариантом, а представляет собой не более чем вариант, допускающий – наряду с собой – другие варианты⁹. Я утверждаю, что именно это сделано в ряде моих последних работ: процессуально-ориентированное мировоззрение и развивающееся в его рамках мышление предполагают другой тип связки, которая иначе связывает субъект с предикатом, предполагая иные, нежели в случае «S есть P», отношения между семантическими областями субъекта и предиката и другую логику. Это – комплексный вопрос, и я не буду касаться его здесь, лишь обозначив свою позицию по этому поводу¹⁰.

Мы обсуждаем здесь проблемы перевода; и если мы согласимся, что некий формализованный язык мысли интуитивно ясен (так что не нуждается в обосновании своего права на существование) и универсален для разных языков, то он и сможет служить посредником между разными языковыми формами. Мне кажется, такое убеждение повсеместно разделяют те, кто через формальный анализ языка пытается построить алгоритмы автоматизированного перевода с языка на язык. Подобные попытки осуществляются в полном соответствии со стратегией, отраженной на схеме 4. Но если для «универсальных форм мысли» мы еще могли согласиться с их интуитивной ясностью (если, конечно, не принимать во внимание сказанное абзацем выше), то для формальных средств описания языка это едва ли можно принять. Ведь формальные средства описания языка настолько громоздки, занимая куда больше места, чем описываемые ими речевые формы, и настолько изощренны и сложны, что ни о каком самоочевидном «усмотрении» их не может быть и речи.

Но коль скоро формальный язык описания языка¹¹ не самоочевиден, а формулируется с помощью определенных правил, то относительно *перевода* с естественного языка на такой формальный язык описания языка должен

⁹ Апелляция к очевидности в таком случае сохраняет свою силу, но ее теряет утверждение о том, что мы имеем дело с универсальной формой, способной вместить любое содержание.

¹⁰ Кроме того, если сказанное мной верно, то универсальное выражение мысли не может быть *содержательно-наполненным*, подобно тому, как содержательно наполнена формула «S есть P»; универсальность как раз должна предполагать отсутствие связанности с каким-либо содержанием. Как это возможно – вопрос для отдельного исследования. Универсальное всегда понималось как инвариант, «вмещающий» варианты, но такое представление требует апелляции к очевидности и интуиции, и оно не застраховано от того, что интуитивно обнаруживаемая форма будет лишь вариантом. Мне представляется, что универсальность, напротив, должна быть связана с заданием вариативности, но сама не должна выступать в качестве инварианта: как задать варианты без инварианта (*не* через определение инварианта) – это также вопрос, выходящий за рамки данной статьи.

¹¹ В самом деле, речь идет о том, чтобы создать *язык языка*; уже одно это должно бы заставить остановиться и задуматься, правильное ли направление выбрано.

быть задан все тот же вопрос о том, что обосновывает стрелку перевода \Rightarrow : она не может быть самоочевидной в данном случае. Формальный язык описания языка оказывается лишь еще одним языком, а потому попытка объяснить перевод с помощью единых средств формализации для разных языков не может иметь успеха и дать возможность *обойти* стрелку перевода \Rightarrow : мы все равно должны *знать, как перевести* с естественного языка на формальный язык языка, а затем – как проделать обратную работу¹², превратив формальное описание исходного языкового высказывания в высказывание на результирующем языке.

И еще одно замечание. Формальный язык языка представляет собой усложненную и доведенную до своего совершенства стратегию «перевода по правилам», которую наверняка применяли все, кто когда-нибудь начинал учить иностранный язык с учителем или по учебнику. Успех этой стратегии окрыляет, особенно на первых шагах овладения незнакомым языком, когда вдруг происходит чудо – рождается способность осмысленно говорить. Но такое бывает только в самых простых случаях (вроде фраз типа «S есть P»), да и то не всегда до конца удачно. Подлинный перевод никогда не совершается по эксплицитным правилам (при всей неотменяемой важности правил – но лишь в качестве вспомогательного, в основном контрольного, средства¹³); он *напрямую* окунается в ту область, которая обозначена на схеме 1 стрелкой \Rightarrow .

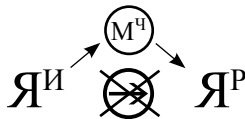
Общий вывод о попытках перевода через языковое выражение мысли

Итак, мы можем сделать следующий вывод. Если посредником в переводе между двумя языковыми формами служит мысль и при этом мысль выражена в языке, естественном или формальном, тогда все ситуации сводятся к следующей: с исходного языка мы должны перевести на язык-посредник, а затем с этого языка-посредника – на результирующий язык. С помощью такого объяснения мы не отвечаем на вопрос, благодаря чему возможна стрелка перевода \Rightarrow ; наоборот, мы подставляем ещё одно, лишнее звено в цепочку перевода, и теперь нам придется объяснять даже больше, чем было нужно вначале.

Мысль, не имеющая языковой формы: чистая мысль

Представление о языковом выражении мысли – неважно, естественно-языковым или формально-языковым – не помогает решить проблему обоснования перевода. Тогда, может быть, следует отрицать языковой характер мысли? Может быть, естественная стихия мысли – не языковая?

Схема 5

¹² Мне кажется, что нынешние попытки изготовления программ машинного перевода дают результат, столь же похожий на перевод, сколь «искусственный интеллект» похож на естественное мышление.

¹³ В этом качестве правила нужны и для *правильного* использования родного языка; обращение к правилам построения высказываний на некотором языке не является существенной и отличительной чертой перевода.

На схеме 5 я использую значок M^c , чтобы обозначить *чистую* мысль. Ведь мысль, лишенная облачения языка, становится чистой мыслью, мыслью как таковой. Но *что* это такое?

В самом деле, путь $Y^i \rightarrow M^c \rightarrow Y^p$ ничем не отличается от обозначения перевода как $Y^i \oplus Y^p$, к которому мы прибегли на схеме 1. Преобразования $\rightarrow M^c \rightarrow$ стоят на месте \oplus , в определенном плане раскрывая эту загадочную стрелку перевода \oplus . Ведь чистая мысль не имеет языковой формы, а потому переход от языкового выражения Y^i к чистой мысли не является переводом, во всяком случае, он не является переводом в том же смысле, в каком перевод отображен на схеме 1 как \oplus .

Так что же такое *чистая мысль* – то, что может служить посредником между языками, но само не имеет языковой природы? Что такое чистая мысль, как не *чистый смысл*?

Мне кажется, такой ответ напрашивается сам собой. Мысль, лишенная средств выражения, есть чистый смысл – то, что не может быть *непосредственно* выражено. От этой невыразимости всегда пытались скрыться, видя в ней неопределенность, субъективность, психологизм и невозможность построить твердое знание. Но, может быть, *чистый смысл* лежит в основе всякого выражения? И любое языковое выражение только потому имеет смысл, что в его основе – *чистый смысл*?

Наш вопрос, заданный о переводе: *благодаря чему* возможен перевод? – получает таким образом свой предварительный ответ. Перевод возможен благодаря тому, что в основе любого языкового выражения лежит *чистый смысл*. Перевод – если это подлинный перевод, а не подстановка слов по выученным алгоритмам, – проходит стадию *чистого смысла*. Это – самостоятельная область, с собственными законами. Совершенно особый статус перевода, выделяющий его из прочих видов интеллектуальной деятельности, заключается в том, что перевод не позволяет игнорировать наличие этой области; самим фактом своего существования перевод подводит нас вплотную к этой области – вплотную настолько, что далее делать вид, будто ее не существует или она не подвластна нашему рассуждению, уже нельзя.

Часть II. Область перевода \oplus как чистый смысл

Мне кажется, мы должны ясно сказать: объяснить феномен перевода нельзя, если не признать как самостоятельную и полноправную область *чистого смысла*. Без такого признания перевод с языка на язык – то, с чем мы имеем дело повседневно, – оказывается попросту невозможным, поскольку, как мы убедились, любые *обходные пути* вокруг этой области на самом деле таковыми не являются. Дело обстоит так, что *в обход* чистого смысла попросту нельзя пойти, поскольку в основе *любого* перевода лежит прикосновение к нему. В любом случае мы обречены на то, чтобы производить *усилие осмысления*, без которого ни один шаг на схемах, которыми мы иллюстрировали разные понимания перевода, просто не может состояться.

Итак, признание *чистого смысла* как самостоятельной области – это первое, что мы должны сделать. Но дело даже не в этом признании как таковом (хотя оно крайне важно); дело в том, куда мы сможем двинуться дальше.

Фундаментальность чистого смысла

В самом деле, что такое *чистый смысл*? Как с ним работать? Как правило, этого понятия боятся, от него стараются поскорее избавиться. Ведь если *чистый смысл* не имеет языковой природы, значит, он не может быть объективирован, он не может быть предъявлен другому как таковой. Следовательно, он интуитивен, либо, как любили говорить когда-то, имеет чисто психологическую природу. Так или иначе, с ним нельзя научно работать. Ведь для этого его надо каким-то образом продемонстрировать. А как его можно предъявить? Предъявляя его, мы неизбежно строим некоторое развернутое высказывание. Мы окунаемся тогда в стихию речи – и выходим из той области, что обозначена на схеме 1 как ⊕: мы уже в области языковых выражений, неважно, Я^И или Я^Р. Это – дискурсивные области; а чистый смысл имеет принципиально недискурсивную природу. Как же тогда можно научно говорить о нем?

Как мне представляется, боязнь оказаться в этой неразрешимой ситуации и заставляет искать обходные пути. Но я думаю, что никакого обходного пути нет, и нужно *честно* признать: да, эта стадия *чистого смысла* не может быть исключена из нашего разговора.

Думаю, любой может понять, что имеется в виду, спросив себя: что стоит за любой моей мыслью? Вот я высказываю некую мысль вслух; это – дискурсивное высказывание, здесь слова следуют одно за другим и образуют фразу или несколько фраз; в результате моя мысль оказывается высказанной. Но где была эта моя мысль *до* того, как я дискурсивно оформил ее? Не станем же мы утверждать, что те же самые слова были выстроены в моей голове в невысказанной форме, чтобы потом получить звуковое оформление. Каждый знает по своему опыту, что это не так. А даже если бы это было и так, то что предшествовало этому невысказанному словесному оформлению мысли? Я думаю, что и здесь мы должны признать, что имеем дело с *чистым смыслом*, который лишь затем обретает дискурсивную форму. Но если такая трактовка может оставаться спорной, пока речь идет о моей мысли и ее словесном выражении, то она *совершенно бесспорна*, когда мы говорим о переводе. Вот в этом, повторяю, особая заслуга рассуждения о переводе: оно показывает с абсолютной ясностью, исключаяющей какое-либо сомнение, фундаментальность чистого смысла.

Это положение, с моей точки зрения, имеет значение, выходящее далеко за пределы темы статьи: чистый смысл – это то, что лежит в конечном счете в основании всего, но что само не обосновывается далее. Иначе говоря, чистый смысл – это то, к чему восходит любое содержание нашего сознания: все оно имеет смысл, но «иметь смысл» и значит иметь отношение к чистому смыслу. Мир, как он дан нам в нашем сознании, наш внутренний опыт и наш внутренний мир представляют собой *осмысленность* – то, что производно от чистого смысла.

Я высказываю здесь это положение, никак не аргументируя и не раскрывая его; моя цель лишь отметить, что рассматриваемые в связи с переводом вопросы имеют куда более широкое значение, нежели проблема обоснования феномена перевода.

И все же – что мы можем делать дальше? Пусть мы согласимся со всем, что было сказано относительно чистого смысла; но что из этого? Как с этим работать, что это дает для нашего познания? Чем такое признание лучше, нежели уже упомянутая отсылка к «чистой мысли», не имеющей языкового выражения и потому остающейся самозамкнутой?

Вернемся к переводу. Перевод проходит через ту стадию, когда в голове переводящего образуется что-то, что мы не можем выразить дискурсивно, т. е. развернуто. Это – то, к чему мы приходим, когда слышим исходную фразу на языке оригинала и пытаемся ее *осмыслить*: совершив *усилие осмысления*, придать этим словам *смысл*. (Как видим, смысл и то, что с ним связано, играет здесь первоосновную роль.)

Конечно, это происходит *всегда*, когда мы слышим речь на знакомом языке; я думаю даже, что это происходит всегда, когда мы воспринимаем что-либо, а не только слова знакомого языка. Но здесь речь идет о переводе; а перевод со всей силой показывает нам *неизбежность* этой стадии *чистого смысла*, когда развернутость сворачивается в некую целостность: в некую свернутость, которая таится у нас в душе и которая потом разворачивается как высказывание на результирующем языке.

Так делается хороший перевод; почему такой перевод *хороший*? Потому что в таком случае фраза на результирующем языке строится так, как если бы она была оригинальной, т. е. как если бы переводчик собственно и был оратором, высказывающимся на этом языке; как если бы он это сказал, а не переводил. В этом смысле вторая половина процесса перевода, отображенная на схеме 1 как $\ominus Я^p$, ничем не отличается от любого акта говорения: когда я дискурсивно выражаю свою мысль, я превращаю *чистый смысл* в языковое высказывание.

Связность: осмысленность как след целостности

Описывая то, что происходит при переводе, когда мы *притрагиваемся* к области чистого смысла, обозначенного стрелкой \ominus , мы назвали основные слова, которым суждено стать понятиями, позволяющими сделать *чистый смысл* пространством рассуждения, организовать работу с ним.

Чистый смысл представляет собой *целостность*. Целостность – это то, что присутствует *сразу*, но не одно за другим; не дискурсивно, не развернуто. Целостность предполагает любую развернутость, но не является никакой из них. Целостность может быть всем, но не является сама ничем из этого.

Содержание нашего сознания, текст в книге, которую мы читаем, речь, которую слышим, и многое другое – все это *имеет смысл*. Иметь смысл значит иметь отношение к чистому смыслу; значит быть *развернутой* формой того, что представляет собой чистый смысл как целостность. Целостность – это свернутость; сжатость, как будто в комок, как будто в клубок, который может развернуться и принять дискурсивную форму.

То, что имеет смысл (как об этом было сказано выше), я называю *осмысленностью*. Осмысленность – не сама целостность; осмысленность – это *след целостности*. Иначе говоря, во всем, с чем мы имеем дело как с содержанием нашего сознания, мы можем увидеть и уловить – не саму целостность, а тот *след*, который она оставила и только благодаря которому все это *имеет смысл*.

Этот след целостности представлен как *связность*. Работать с осмысленностью значит работать со связностью: изучать ее виды, как она организована, какие формы проявления получает, как выявляет себя и т.п. Как мне представляется, связность – наш ближайший подступ к *чистому смыслу*. Если мы и не можем иметь дело непосредственно с ним, – при том, что все наше знание – не более чем *развернутость* той целостности, той свернутости, которая и является чистым смыслом, – то мы все же можем вполне научно идти

по его следу, изучая связность. Мы не случайно часто отождествляем связность и осмысленность: бессвязную речь называем бессмысленной, бессвязность сознания считаем признаком душевной болезни.

Перевод как работа со связностью

Спроецируем эти общие положения на нашу тему. Стрелка перевода \oplus – это стрелка *раз-вязывания* и *за-вязывания* связности. Перерезывание нитей связности разрешает исходное языковое высказывание Я^И в чистый смысл; а стягивание его заново нитями новой связности превращает в высказывание на результирующем языке Я^Р.

Эта операция раз-вязывания и за-вязывания выводит нас за пределы поля дискурсивного сознания; хороший перевод осуществляется тогда, когда переводчик *не осознает*, как же он происходит. Это и не может быть фиксируемо нашим сознанием: оно работает не с тем, что целостно, а с тем, что связно; следовательно, пересечение границы связности и целостности не может быть зафиксировано нашим сознанием, поскольку для этого оно должно было бы оказаться по обе ее стороны, – а это для него невозможно.

Благодаря чему возможен перевод? Благодаря чему он осуществляется? С этого вопроса началось это исследование. Я могу теперь предложить свой ответ на него: перевод возможен благодаря тому, что связность исходного высказывания, пройдя стадию чистого смысла, превращается в связность результирующего высказывания. Эта операция перехода через чистый смысл, операция раз-вязывания и за-вязывания связности совершается переводчиком. Если она и может быть автоматизирована, то никак не на тех путях, на которых это пытаются сделать сегодня: они в принципе не ведут к успеху, поскольку не учитывают *сущность* перевода, его принципиальную «технологию».

Понять, как происходит перевод, значит овладеть тайной чистого смысла. Моя задача здесь гораздо скромнее, и я не буду говорить об этом. Зеркальное название статьи задает двучастное направление исследования. В первой части я считаю задачу выполненной; мне остается теперь сказать о том, какое применение найденное теоретическое решение может найти в конкретной практике перевода арабских философских текстов.

Если перевод – это пере-завязывание связности, то *контроль* за адекватностью и качеством перевода – это контроль за сохранностью связности. В случае, если связность получит ясное, а еще лучше – формализованное выражение, такой контроль будет осуществляться объективно, а значит, понятия «адекватность» и «качество», которые обычно считаются смутными, если вообще имеющими право на существование, обретут четкие очертания.

Работа в этом направлении обязана быть серьезной и системной. Само собой разумеется, что ее нельзя выполнить в рамках статьи. Здесь я лишь набросаю принципиальные контуры движения в направлении этой цели, как я их вижу сегодня. Это и будет выполнением второй части задачи этой статьи.

Связность связности: уровни фиксации и их взаимозависимость

Сужая задачу разговора о связности до рамок, заданных темой статьи, я буду говорить о связности как следе целостности, который должен быть замечен в области слова, т. е. в области устной или письменной речи.

Здесь я выделю три уровня, на которых можно говорить о связности. Это уровень целого текста; уровень фразы; уровень лексической единицы.

Нельзя сказать, чтобы такое деление было неожиданным: оно представляется скорее очевидным, интуитивно ясным. Но давайте попробуем дать себе отчет в том, почему именно такое трехчастное деление оказывается, с одной стороны, достаточным, а с другой – исчерпывающим? Почему нет никакого дополнительного уровня, который можно было бы присоединить к этим; и почему в то же время ни один из них нельзя изъять? Почему именно эти три уровня необходимы и достаточны; они необходимы и достаточны для чего? Почему ни один из них не сводится к другим, и в то же время все они взаимосвязаны?

Эти три уровня – уровни фиксации связности. Текст – это то, в чем мы выделяем *части* и *целое*. Части связываются в целое и связаны с целым; связность текста – это связность его частей. Принцип связности целого-и-части – вот основание выделения уровня текста как особого.

Целое не случайно созвучно *целостности*: это как будто ее отражение. Целостность, в отличие от целого, не состоит из частей; и все же целое стремится к целостности, пытается сгладить швы и зазоры между своими частями, как будто хочет представить их как не задерживающие беспрепятственное движение смысла.

Целое (текст) задано как *нечто*. Такое «нечто» – не *вещь*, но и вместе с тем что-то близкое к этому. Текст бывает о *чем-то*, текст обычно раскрывает какую-то тему. Тема – то, что суммирует целое текста; а целое разворачивается в своих подробностях-частях.

Второй уровень связности – фраза. Фраза фиксирует *вещь*; а вещь задается как некая локальная определенность смысла. Но вещь должна быть не просто зафиксирована как наличная; вещь по самому своему смыслу непременно должна быть задана как отличная от всех других вещей. Локальность вещи, иначе говоря, требует ее раскрытия; вещь не может не быть наполнена содержанием, хотя бы минимальным. Фиксация вещи (ее субъектность: онтологическая функция связки) неотъемлема от раскрытия ее содержания (предикативная функция связки).

Вот почему фраза необходима – как особый уровень связности, как особый уровень формирования осмысленности. Связанность субъекта и предиката – ядро фразы: без этого она невозможна¹⁴. Но фраза может не ограничиваться ими; фраза может как будто разжиматься, заполняя все больший объем. И все же где-то мы ставим точку; где-то исчерпываются естественные пределы разворачивания фразы. Там берет начало другая фраза; но эта другая фраза должна быть непременно связана с предыдущей, прямо или косвенно. Так фразы становятся частями связного целого – текста.

И наконец, отдельное слово. Здесь связность наименее очевидна; даже как будто совсем не очевидна. В самом деле, *отдельное* слово как раз отделено от всех остальных: оно взято как таковое, положено под микроскоп и может быть анатомировано. Оно помещено в реестр словарей под своим ин-

¹⁴ А как же, например, «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека»? Во фразах, ограничивающихся фиксацией существования субъекта, все же подразумевается, что мы *знаем*, что такое данный субъект; а значит, предикативная функция связки все же предполагается неотъемлемой от ее онтологической функции. Фраза оказывается сжимаемой до минимального размера – до размера слова; но если это – **фраза, то такое слово – не просто отдельная лексическая единица, которая может фигурировать в словаре; такое слово начинено связностью и потому может разжиматься, как сжатая пружина.**

вентарным номером; засушенное и наколотое на булавку, оно теперь может связываться с другими словами, образуя расплавленную магму смысла, не более, чем бабочка в коллекции под стеклом – летать по лесу.

Словарная работа с отдельным словом предполагает и особые приемы, нацеленные как раз на его отдельность и отделенность. Если речь идет о переводе, в действие вступает принцип *отдельного* приравнивания. Коль скоро слово понимается как отдельное, то и эквивалент ему ищется как отдельный. В идеале, конечно, словарное соответствие между лексикой двух языков должно было бы быть взаимно-однозначным: одному слову соответствует одно, и только одно слово другого языка. Каждый знает, что так не бывает; но это обычно рассматривается как существенный недочет и принципиальный изъян живого языка, вечно разгоняющего смысл отдельного слова так, что он перехлестывает через отведенные ему пределы.

Эти пределы, впрочем, существуют только в сознании тех, кто хотел бы добиться от слов абсолютной определенности, – такой, какой не бывает даже у терминов. Коль скоро эта цель неосуществима в живых языках, можно (и нужно) придумать искусственный – язык, в котором точные границы слов обрели бы наконец искомую нерушимость.

Если фраза и текст – это уровни связности *речи*, то слово, понятое и взятое как отдельное, не таково. Слово – не речь; вопрос, однако, в том, может ли оно развернуться в речь? И может ли речь свернуться в слово? Взято ли слово из речи, так что сохраняет, как бы мы ни пытались их обрубить, живые связи с другими словами, а главное, свою способность выстраивать связность? Или, напротив, оно может быть сконструировано «с нуля», задано в намеченных конструктором слов пределах, чтобы не переступить их? И всегда, подобно кирпичику, точно ложиться в заранее очерченную ячейку, чтобы вместе с другими словами-кирпичиками образовать выстраиваемое здание речи?

Я думаю, что второе невозможно. Сколь бы ни казалось это желанным и привлекательным конструкторам искусственных языков, мечтающим построить их по аналогии с формальными «языками» (например, языком математики), – все же это останется невозможным. В речи на естественном языке присутствует то, чего нет и не может быть в формальном «языке» как таковом, взятом без своей естественно-языковой «оболочки», – в нем присутствует связность. Только связность придает осмысленность; пытаясь обрезать нити связности ради искомой «точности», конструктор искусственного языка делает его нежизнеспособным. Такой язык можно сконструировать, и он как будто не будет отличаться ничем от естественных языков, как их представляет лингвистика: словарный запас, грамматика, включающая правила синтаксиса. Но из него уходит *связность*; он теряет живую способность продуцировать речь.

Эта живая способность, это свойство связности едино для всех уровней языка; оно вовсе не локализовано в синтаксисе, как часто думают. «Отдельное» слово никогда не бывает отдельным и отделенным в живом языковом сознании носителя языка: оно всегда связано тысячью связей со всеми другими словами. Слово объяснимо *изнутри* языка (точнее, изнутри речи, которая реализует эту связность): для слова настоящего языка не нужно *внешнее определение*. Слово имеет смысл не потому, что кто-то в него этот смысл «вложил», записав в словаре; слово имеет смысл потому, что включено в тотальную языковую связность.

Мне кажется, такому взгляду очень хорошо соответствует идея *тезаурусного подхода* к передаче инокультурной терминологии, которую выдвинул и развивал наш выдающийся синолог Г.А.Ткаченко. С его точки зрения, тот или иной термин китайской культуры может быть объяснен не за счет его приравнивания к одному или нескольким словам, взятым из лексикона нашей культуры, пусть с любыми уточнениями и оговорками (например, «дао» – это “путь”, но – не такой, как..., а скорее такой, как...» и т. п.). Он предложил совершенно другой способ: работать с термином не как с отдельным словом, значение которого *задается внешним образом*, благодаря некоторой исследовательской операции. Значение слова, с его точки зрения, должно *вырастать изнутри*, из системы связей с другими терминами¹⁵.

Я думаю, что тезаурусный подход имеет гигантские перспективы развития и эвристические потенции. А для философии он попросту незаменим, поскольку философская лексика отличается высочайшей степенью системности и связности. Здесь, в философии, связность разных уровней просвечивает наиболее отчетливо: мы ведь знаем, что философская система (т. е. макротекст) – не более чем развернутая система понятий (т. е. тезаурус философской лексики). При переводе философских текстов тезаурусный подход позволяет высветить эту *связность связности*, и в идеале – превратить тезаурус в потенциально развернутый текст¹⁶. Выполнение такой задачи предполагает разработку всех вопросов, относящихся к проблеме связности, как они намечены в этой статье.

¹⁵ Думаю, этим достаточно задано отличие намечаемого здесь подхода к пониманию осмысленности как связности от холистских учений. Согласно последним, мы понимаем значение слова, если знаем *все* случаи его употребления в *любой* фразе на данном языке: бесконечность этих вариантов употребления означает невозможность фиксации значения. Но связность – это не перебор единичных случаев использования языка; связность системна и повторяема, а потому поддается обозрению и фиксации.

¹⁶ Я не говорю специально о пользе тезаурусного подхода для контроля за системностью терминологии и выявления терминологического статуса слов, что является далеко не тривиальной задачей в случае инокультурной философской традиции.